

The background is a rich, detailed illustration of a city street. On the left, a tall, ornate building with a green spire and intricate carvings dominates the foreground. The street is paved with cobblestones and features a streetcar in the middle ground. The sky is filled with large, billowing clouds in shades of white, pink, and blue, with several dark, winged creatures flying through them. The overall style is reminiscent of classic fantasy or historical fiction book covers.

МАКСИМ ВЕК

ТАЙНЫ
НЕВЕРБУХА
КНИГА 1

Максим Век

Тайны Невербуха. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72327238

SelfPub; 2025

Аннотация

Невербух – огромный город. Он раскинулся на берегах и островах в устье полноводной реки Неверь.

Невербух – холодный и загадочный, опасный и прекрасный – столица Княже-Герцогства, которое является самым богатым и благополучным осколком древней Империи.

Познакомимся с главным героем. Позвольте представить – Арчимольд (он же Аркача, он же Арчи) Штокер. Молодой аристократ, который промотал родительское наследство. И вынужден теперь всячески выкручиваться, чтобы поддержать приличествующий своему сословию уровень жизни. Получается это с переменным успехом. Но природная сообразительность, определенный шарм, любопытство и изрядная доля удачливости помогают ему держаться на плаву. А ещё ему помогает камердинер и компаньон по имени Зюв, голова которого сидела когда-то на плечах древнего полководца. Три повести об их (и не только) похождениях составляют первую книгу Тайн Невербуха.

Содержание

Пролог. Часть 1. Бабулин зонтик Глава 1.	4
Дождливое утро на бульваре Левых ног	
Часть 1. Бабулин зонтик	10
Глава 2. Рассказ Бивуса	20
Глава 3. Ветренный полдень на проспекте Ха	25
Глава 4. Обед в ресторане клуба «Болото»	35
Глава 5. Туманное послеобеденное время на Заливной стороне	42
Глава 6. На кухне у ведьмы	49
Глава 7. Ясный вечер на бульваре Левых ног	57
Глава 8. Ночная гроза в парке Последней надежды	70
Глава 9. Впервые на арене	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Максим Век

Тайны Невербуха. Книга 1

Пролог. Часть 1. Бабулин зонтик Глава 1. Дождливое утро на бульваре Левых ног

ПРОЛОГ

На улицы Невербуха, раскалённые летним солнцем, снизошла, наконец, долгожданная прохлада. Ночная тьма окутала шпили и купола, спустилась к набережным, залила площади и бульвары. Но её власть продлится недолго. В июне только час отделяет утреннюю зарю от вечерней.

Именно в этот тёмный час, когда все приличные граждане давно спят, по Кулёчной улице, крадучись, шли двое мужчин. Один из них, высокий и худой, осторожно нёс закрытое крышкой ведро.

На перекрёстке с бульваром Левых ног они остановились и огляделись. Свет фонарей выхватывал из темноты фасады зданий и кроны деревьев. Было очень тихо, только едва слышно шелестела листва над головами.

– Так я и знал, мы опоздали. Он нас опередил, – свистящим шёпотом произнес тот, что нёс ведро. И поставил свою ношу на плиты тротуара.

– Ничего мы не опоздали! – ответил второй, который был на голову ниже и заметно объёмистее первого.

– Я тебе говорил, нужно было раньше выходить. А ты – «давай ещё посидим!», – худой с досадой махнул рукой.

– Тише! – шикнул полный. – Вот он!

Оба усталились на господина в светлом костюме, шагавшего по бульвару и фальшиво насвистывавшего модный мотивчик. Его шляпа была залихватски сдвинута набок. В руках он держал тросточку, которой отбивал ритм по ажурной решётке ограды, тянувшейся вдоль края бульвара. Через каждые пять-шесть шагов господин подпрыгивал, пытается щёлкнуть одной туфлей о другую. Но щёлкнуть никак не удавалось, а отстукиваемый ритм был лишь шапочно знаком с мотивом песенки. Ни то, ни другое, похоже, не расстраивало припозднившегося путника.

Дойдя до перекрёстка, он свернул с бульвара, пересёк мостовую и оказался у дома, где его поджидали загадочные личности с не менее загадочным ведром.

– Быстрее! – сдавленно шепнул высокий. – Чего ты копаешься!

Он снял с ведра крышку и поднял его двумя руками.

Полный, озабоченно сопя, рылся во внутренних карманах сюртука. Наконец, он достал коробок, вынул из него спич-

ку и чиркнул. Вспыхнувший зелёный огонёк осветил пухлое лицо – стало видно, как трясутся щёки и как перекосился от волнения рот.

Приблизившийся к парадной прохожий только сейчас обнаружил, что он не один. Но не успел отреагировать – только широко раскрыл глаза от удивления. Ноги несли его к дверям парадной, а трость всё также отбивала неслышный теперь ритм.

– Давай! – тоненько крикнул худой и окатил подошедшего из ведра.

В ту же секунду полный бросил горящую спичку.

Зелёные, синие, малиновые всполохи озарили перекрёсток.

Застигнутый врасплох мужчина стоял как вкопанный (плохо вкопанный, так как нет-нет да покачивался), а его одежда, волосы, лицо ярко горели, с весёлым треском разбрасывая во все стороны мириады разноцветных искр.

Огонь не причинял ему никакого вреда, разве только слегка нервировали снопы трескучих искр.

– Гобор, Кугель? – удивлённо проговорил он, – какого Хрёта? Что это вы устроили? Что...

Но дальнейшие слова потонули в страшном грохоте. С головы несчастного сорвало шляпу. Из ушей и носа вырвались ослепительные золотистые молнии. Нет, не молнии – петарды! Они устремились вверх и, взорвавшись, расцвели ночное небо фейерверком. Тем временем, пламя, охватившее

прохожего, быстро сошло на нет.

Вновь стало тихо и темно.

В доме напротив распахнулось несколько окон. Недовольный старческий голос прогудел:

– Безобразие! Дайте поспать! Я сейчас жандармов вызову!

Из другого окна откликнулся молодой и звонкий голос:

– Ура! А что мы празднуем?

Схватив оцепеневших возмутителей общественного покоя за плечи, господин втолкнул их в парадную и захлопнул за собой дверь.

– Вы что, объелись листьев бананаса? – страшным шёпотом прорычал он.

Все трое были перемазаны сажей, длинный сжимал в дрожащих руках пустое ведро.

Из своей конторки на троицу сонно таращился консьерж. Но, будучи человеком бывалым, он быстро оценил ситуацию, закрыл глаза и вновь погрузился в сон.

– Мы только хотели... – поражённо пробормотал длинный, – мы даже не знали... – и вообще, это всё он! – закончил он свою речь и пихнул напарника ведёрком в бок.

Тот икнул, встрепенулся и, вытаращив глаза, заорал:

– С днём рождения, Аркача! С днём рождения!

– Поздравляем, Арчи! – подключился длинный.

Консьерж приоткрыл один глаз, но сразу же вновь заклевал носом.

– Нет, вы точно объелись этих хрётовых листьев! – покру-

тил головой тот, кого назвали Аркачей и Арчи. – У меня день рожденья был три месяца назад. И вы оба – Гобор Судда и Кугель Васижеч, – он ткнул каждого пальцем в грудь, – на нём присутствовали. И не говорите, что вам не хватило. Не поверю!

Полный и длинный, которых, оказывается, звали Гобор и Кугель, недоумённо переглянулись и упрямо забубнили нестройным дуэтом:

С днём рождения, Аркача!

С днём рождения, наш Арчи!

Ты родился в этот день,

Значит, будет нам не лень!

Пить до дна, до дна, до дна!

Поздравляем мы тебя!

Ура!

Я чуть не прослезился.

Ладно ведро с фейерводкой – могли купить у контрабандистов в порту, могли у знакомой знахарки заказать. Но стихи – это ведь сами. От сердца.

Я обессиленно уселся на ступеньки лестницы. Весь мой хмель после этой кутерьмы с фейерверком выветрился.

А ведь они правы, дорогие мои балбесы. Я ведь действительно только что родился – в этом летнем костюме с увядшей хризантемой в петлице, с дурацкой тросточкой... У кого я её стянул? А, главное, зачем?.. В новеньких жёлтых штиблетах и шикарной шляпе...

– Ну раз такое дело, – проникновенно сказал я друзьям, – то милости прошу. У меня в баре найдётся пара бутылочек, способных вас удивить.

Я поднялся со ступеней и приглашающе махнул рукой.

– Что ж, высокие монцары! Отметим рождение вашего доброго приятеля Арчи, Аркачи, Арчимольда Штокера. И ваше заодно. И всего этого потрясающего, невероятного города! С праздником нас всех! С днём рождения!

Я шутовски поклонился и хотел было снять шляпу, но, разумеется, не смог.

Я и забыл, что страницей ранее неуправляемый взрыв фейерводки сорвал её с головы остолбеневшего прохожего.

Веки мои налились свинцом, перо выпало из непослушных пальцев.

А то, что осталось от несчастной шляпы, догорало на тротуаре перед домом. Лёгкий дымок поднимался к светлеющему небу.

Часть 1. Бабулин зонтик

Глава 1. Дождливое утро на бульваре Левых ног

Почему бульвар именно левых ног, а не, скажем, правых, это я вам потом расскажу. Это старинная, красивая и очень печальная легенда. Там... нет, всё-таки не сейчас. Это долго, а мне через четверть часа нужно встретиться с Бивусом Крумчиком. Как раз на углу этого самого бульвара и Кулёчной улицы.

– Эй, Зюв! – крикнул я в сторону прихожей, – ты почистил мой макинтош? И где зонт?

«Скрип-скрип, хрусть-хрусть», всего-то полминуты, и в проёме двери возник внушительный силуэт моего камердинера. Чёрный камзол обтягивает бочкообразное туловище, внутри которого что-то постоянно тихо жужжит и поскрипывает. На фоне высокого, белоснежного воротника резко выделяется смуглое лицо – лицо выдающегося человека. Высокий, с залысинами лоб, изборожденный глубокими морщинами, бледно-голубые, чуть навывкате глаза, крупный хрящеватый нос и крепкий подбородок с ямочкой, свидетельствующий о недюжинных твёрдости характера и воле. Такое лицо могло бы принадлежать генералу, министру или, на ху-

дой конец, директору школы, но принадлежит моему камердинеру Зюву. И, может, это к лучшему. В том смысле, что с прошлым этого молодца связана такая странная и, прямо скажу, жутковатая история, что я иногда задумываюсь... нет, не время задумываться, время одеваться! И очень быстро!

– Так что там, Зюв? Где?..

Величественный поворот головы, задумчивый взгляд в окно. Резко обозначившиеся морщины и складки на лбу выдают напряженную умственную работу, совершаемую внутри этого монументального черепа.

– Вы полагаете, монцар, сегодня будет дождь? А между тем, в утреннем выпуске «Перчёного Бормотуна» чёрным по белому напечатано...

– Хрёт тебя возьми, Зюв! – мне плевать, что там печатают эти перчёные бормотуны... эти бормочущие перечницы! Ты же видишь – льёт как из ведра!

Ну это я, конечно, немного перегибал палку – за окном не лило, а скорее слегка накрапывало, но с Зювом лучше перегнуть, чем недогнуть – уж поверьте моему опыту.

– Как вам будет угодно, монцар.

– То-то же! Ну так что там с макинтошем и зонтом?

– Эгх-м... зонт, мон... хр-м... цар... охм...

– Что означают эти звуки, Зюв? Что, «зонт»? – я безуспешно пытался левой рукой влезть в рукав сюртука, а правой, уже засунутой куда нужно, пригладить шевелюру, смотрясь в старинное зеркало, висящее на стене у окна.

– Зюв, у меня осталось десять минут, чтобы... И не секундой больше... вот, уже меньше... меньше!

Кроме своей шевелюры я увидел в зеркале Зюва, торчащего у меня за спиной, а в руках у него какие-то изогнутые поплёскивающие палочки с обрывками чёрной ткани.

– Зюв... – я открывал и закрывал рот, как рыба, выброшенная на берег.

– Теперь делают такие непрочные вещи, монцар... Все эти автоматы и полуавтоматы... никуда не годятся. Я лишь проверил...

– Хрёт с тем, что ты хотел проверить, Зюв. Я понял, зонта у меня больше нет. Напомни в конце месяца, чтобы я вычел его стоимость из твоего жалованья... А что с макинтошем? Надеюсь, он цел?

– Думаю, совершенно цел, монцар. А по поводу жалованья – вы мне его не платили в прошлом месяце. И в позапрошлом. И в поза-поза...

– Но мы же всё решили, Зюв. Во всяком случае, за прошлый месяц мы рассчитались. Я точно помню. Как мы там договорились?

– Что я могу взять что-то из вашего гардероба и продать.

– Ну вот! А теперь – макинтош!

– Монцар... я взял макинтош. И продал, как вы и велели.

Я воздел руки к небу. А потом посмотрел на часы. До встречи оставалось восемь минут.

– Так что, мне теперь мокнуть под дождём?!

Дождь, похоже, подслушивал наши с Зювом препирательства и коварно выжидал – словно в ответ на моё восклицание по оконному стеклу припустили довольно упитанные струйки.

– Осмелюсь предложить вам, монцар, зонтик вашей покойной троюродной бабушки, мимзель Агрифизии, который она забыла у вас в свой прошлый и, соответственно, последний визит.

Пока он произносил это предложение я промчался в прихожую и молниеносно обул туфли, натянул перчатки и нахлобучил на голову котелок – уверен, что без моих тайных, дремлющих где-то в глубинах организма, магических способностей дело не обошлось. Вот только пробуждаются эти сони чрезвычайно редко и всегда по собственному усмотрению. Но сейчас их помощь оказалась как нельзя кстати. Изогнувшись под невероятным углом, я заглянул в гостиную чтобы глянуть на часы. Пять минут!

– Считаю своим долгом напомнить – вчера приходил управляющий. У нас не оплачено за квартиру с Края года. Нужно внести... – вновь забубнил этот зануда, проследовав за мной в прихожую.

– Ох, Зюв, не начинай! Такое прекрасное...дождливое утро. Оно совершенно не предназначено для того, чтобы мне толковывали с постной миной, что нужно и чего не нужно... кого и куда внести. Мне сейчас не до того.

– Как скажете, монцар.

– Давай зонт!

Мой камердинер сунул мне в руку что-то светленькое, пестренькое, слабо благоухающее не то лавандой, не то ладаном и открыл передо мной двери.

Я выскочил на площадку, на ходу застегивая сюртук, и покатился по лестничным пролётам. Пронёсся как вихрь мимо толстого сонного консьержа Веркипа, и вот – я уже снаружи. Стою, прижавшись к морёному дубу парадной двери спиной, хватаю широко раскрытым ртом сырой невербухский воздух. Козырёк над входом не очень-то спасает от холодных капель, настырно стремящихся попасть за шиворот.

Так, а что там с этим бабушкиным зонтиком? Я судорожно задергал им над головой в надежде, что он сам как-нибудь раскроется. Куда там! Тогда пробежался пальцами по сморщенной парусине, по выпирающим тонким ребрам, попытался покрутить костяную ручку. Никакого толку. Ах ты!..

И я бросился с зонтом наперевес под дождевые струи. Я бежал, уворачиваясь от редких извозчиков, наискосок через пересечение Бульвара Левых Ног и Кулёчной улицы, поскольку живу как раз на их углу. А мой приятель Бивус Крумчик должен ждать меня в кофейне «Дргой дрг», что на противоположном углу. Вот и она! Я толкнул стеклянную дверь и ввалился внутрь. И только я ввалился, отряхиваясь словно пёс после купания, как часы над стойкой пробили десять. Я облегчённо выдохнул.

– Ха! И ещё восемнадцать раз ха! Да неужели Арчи Што-

кер пришёл навстречу вовремя?! И всего-то нужно было заключить пари!

Бивус поднялся из-за столика и раскинул в стороны руки, словно собирался обнять меня – в одной руке у него была большая дымящаяся кружка, в другой – надкусанный крендель. Пуловер в оранжево-зелёный ромбик был усыпан крошками, на подбородке поблескивала капелька апельсинового джема.

– Полегче, старина! Я тоже рад тебя видеть. Не опрокинь столик и не забрызгай никого какао.

Под «никого» я имел ввиду себя и хозяйку кофейни. В маленьком помещении с модной вращающейся стеклянной дверью, широким окном, глядящем на бульвар, и старинным, в клочьях паутины и пятнах копоти потолком, кроме Бивуса и меня присутствовала только она – очаровательная медам Мелисса. Медам сидела за стойкой и, похрустывая крошечными печеньками, читала какую-то газетку. На развороте я прочёл: «Цирк Ёксамы Чудовёрта! Спешите видеть!! Последнее пред...».

Медам уже года три имела почтенный статус вдовы, и... нет, не сегодня, расскажу как-нибудь в другой раз. Быть может.

Я поставил бабулин зонтик в специальную зонтичную корзину у дверей, кивнул Мелиссе и подсел к Бивусу. Тот тоже уселся, вернул, наконец, кружку на стол (я вновь облегчённо выдохнул) и проникновенно произнёс:

– Дружище, ты выиграл! Никто не верил, что ты можешь не опаздывать. И я был первый в рядах неверующих, но ты доказал, что и эта вершина тебе по плечу. Десять полновесных, обеспеченных золотом, княже–герцогских фрустов твои! Но есть одно «но»... Точнее два «но»... А может, даже три.

Бивус смущенно крикнул, постучал костяшками пухлых пальцев по столу.

– Я в последнее время на мели, дядя шлёт переводы крайне нерегулярно... Но вчера мне уже совсем было перепал один должок... он бы как нельзя кстати поправил моё финансовое положение.

– Что за должок? – заинтересованно спросил я и отхлебнул из маленькой фарфоровой чашечки великолепный кофе, который уже успела сварить и принести мне Мелисса. Не знаю, как у неё получается, но меня всегда ждёт в её заведении отлично сваренный кофе и свежайшая выпечка.

– Картёжный, – ответил Бивус, гордо расправив плечи. – Не далее, как на прошлой неделе, с пятницы на субботу сидел я в одном погребке на Вырванной Стороне. Ребята были в основном из нашего «Болота». Играли в туфту, а потом в подлеца. И Якив Нальчич, ну, ты знаешь Якива, несколько перебрал. Во всех смыслах. И, в общем, в пух и прах, представляешь, в пух и прах! А мне наоборот, всю ночь карта шла, так что в итоге он остался мне должен почти сотню фрустов.

Я глубокомысленно покивал – я знал Якива. Его папаша владел чуть ли не половиной всех прачечных Невербуха. А кроме прачечных у Нальчичей имелись бани, пивные и много чего ещё. В нашем клубе, что гордо именовался «Болото», Якив не был завсегдатаем, но иногда заходил пропустить стаканчик другой – как он сам говорил, чтобы быть поближе к народу. Это о нашем-то самом что ни на есть благородном, аристократическом и, не побоюсь этого слова, легендарном клубе! Двоюродный дядя Высоко-Светлого Князьгерцога Альцимуса XIX-го граф Грегор в далёкой юности именно у нас вывихнул челюсть, заглотив большую рюмку особой горькой. По самую ножку. Говорят, изо рта торчала только подставка. Но я опять отвлёкся. Я просто хотел сказать, что Нальчичи неприлично, несносно, баснословно богаты. Так что выигрыш Бивуса я всемерно одобрял и поддерживал, к тому же он был и в моих интересах.

– Неужели этот денежный мешок забыл о таком пустяке... для него... как сотня фрустов? – нахмурившись, я метнул строгий взгляд на приятеля, который уже дожевал свой крендель и тянулся теперь к блюдцу с моими оладьями.

Я спешно взял тёплые кругляши и, словно бы в задумчивости, как бы не замечая этого, надкусил сразу оба, потом положил обратно на блюдец. Сделал глоток уже слегка остывшего, но всё ещё бодрящего кофе.

Бивус разочарованно отодвинул свою лапу от моего скромного завтрака.

– Нет, он не забыл. Мы с ним немного повздорили. Я ему намекаю – деньги сейчас отдашь или потом напомнить? А он разозлился, заорал – мол, что, любите пьяного Якива обирать?! Я, мол, вас всех скоро по миру пущу, будете в ногах у меня валяться и кланчить, чтобы я вам отыгратся разрешил! И всё в таком духе. Я не сдержался и пнул его. А он меня схватил и давай трясти как грушу. В общем, еле нас разняли.

Но после этих бодрящих физических упражнений мы пришли к взаимопониманию. Договорились встретиться в понедельник, в «Болоте». А я... – Бивус виновато заморгал, – на всякий случай сунул ему в карман записку, чтоб действительно не забыл. – Конечно, в нашем кругу так не принято, но... когда дядя задерживает перевод почти на две недели... и финансы в полном беспорядке...

– Не надо винить себя, дружище, я отлично тебя понимаю, – я похлопал его по плечу, – у меня и самого, как видишь – я кивнул на стойку с зонтиками, – не лучшие времена. После той истории с акциями банка Мазая-Рэмси одна моя тётушка урезала пенсион вдвое, а другая и вовсе отказалась давать деньги в этом году. Заявила, что мне следует образумиться и не вовлекать родственников в свои финансовые авантюры. Но, думаю, ко Дню урожая или уж во всяком ко Дню рождения нашего Высоко-Светлого Князь-герцога обе старые карги смягчатся и прижмут любимого племянничка к своей груди... своим грудям, вернее счетам. И

воздадут ему за его страдания, за голодное и холодное лето! Ну а пока-то нужно как-то выживать. Но прости, я, кажется, тебя перебил.

Бивус проморгался и продолжил:

– Вчера, в понедельник, Якив с утра заехал в «Болото» и рассчитался со мной. Выписал чек на требуемую сумму...

– Так, стоп... тпруу! – я помотал головой. – Ты пять минут назад заявил, что «долг *совсем было* перепал» – а это совсем не одно и то же, что «с утра заехал и *рассчитался*». К тому же это было одно из твоих двух или трёх «но», по причине которых я не могу получить законно выигранную ставку.

– И то верно! – заявив это, Бивус некоторое время молчал.

Вид у него был весьма растерянный. А может, даже напуганный. То ли из-за того, что лишился видов на олады, то ли узнав о моих денежных затруднениях, он вообще как-то сник.

– Будь добр, – продолжил он, – послушай меня внимательно, без кучерских воплей и тому подобных боевых кличей. А потом будешь считать мои «но».

Глава 2. Рассказ Бивуса

Меня уже с утра насторожило поведение Якива. Он был... словно бы сам не свой. Ясно, вечером он крепко заправился, это было заметно, но... Не настолько же! Он как-то странно втягивал носом воздух, дёргал головой, озирался. Когда мы повстречались на улице, он чуть мимо меня не прошёл, пришлось его окликнуть. Но чек в уплату долга выписал уже спокойней – видно, взял себя в руки. И тут я его спрашиваю – в «Болото» не собираешься в ближайшее время? А он глянет на меня, – Бивус беспокойно поёрзал на стуле и перешёл на шёпот, – в глазах такое... как будто он мне нос сейчас откусит. Но я даже испугаться, как следует, не успел – он резко вскочил, опрокинул стульчик, на котором сидел, развернулся и зашагал прочь. Даже не попрощался. Как тебе это?

Я шевельнул губами, собираясь как-то прокомментировать услышанное, но Бивус нетерпеливо отмахнулся:

– Погоди, не перебивай! Это только начало. Значит, чек я получил прошлым утром. А в два пополудни, когда я, перекусив в «Болоте», направлялся домой, чтобы немного отдохнуть, меня догнал лакей и передал записку. И в этой записке Якив Нальчич извинялся за то, что не смог встретиться со мной утром, как договаривались ранее, и извещал, что приедет в «Болото» в семь вечера, где готов будет со мной рассчитаться по долгу.

Я, признаться, просто остолбенел, прочитав это. Когда я пришёл в себя, лакея рядом уже не было. А с противоположной стороны улицы отъехала коляска с гербом Нальчичей. Я сверил подписи на этой бумажке и чеке. Никаких сомнений – расписывался один и тот же человек. Ну, с поправкой на всем нам хорошо знакомые симптомы утренних мучений. Я ещё подумал, что хорошо бы обналичить чек. Так, на всякий случай. Но у меня железная привычка – отдыхать с трёх до шести пополудни, врачи говорят, это очень полезно для сердца. Поэтому я пошёл домой, а не в банк.

И вот, проснувшись и одевшись, я уже собрался выйти из дому, чтобы узнать у этого сумасшедшего Якива, что означает сей цирк... – Бивус сделал драматическую паузу, в течение которой я зачарованно проглотил оба надкусанных оладушка и допил кофе, совершенно не чувствуя его вкуса, – как ко мне домой вламывается криминальная полиция!

– Ого! Всё интересней и интересней!

– Вот именно, ого! Пренеприятнейшие, доложу я тебе, типы! Инспектор с ходу меня ошарашивает – когда и при каких обстоятельствах вы видели в последний раз покойного Якива Нальчича. Я, разумеется, хватаю ртом воздух, потом собравшись, выдаю – сегодня, ну, то есть вчера утром. Он кивает, показывает мою записку, которую я дал Якиву в погребке, в субботу. «Вы писали?» – спрашивает. Я не стал отпираться. Сам спрашиваю: «когда? Где? Как?» Инспектор, естественно, молчит. А второй, помощник его, так, с мерз-

кой усмешечкой заявляет:

«А мы думали у вас узнать».

Выкладываю обе свои бумажки – письмо Якива и чек; инспектор сгребает их в папочку вместе с моей писулькой. Заявляет, чтобы я ничего и никому не рассказывал, особенно про смерть Нальчича. Мол, всё это пока держится в тайне. И чтобы я из города никуда не уезжал. И смотрит на меня так... как-то нехорошо. – Бивус поёжился. – Я расписался на каких-то бланках, и они убрались из моего дома.

– А потом ты, стало быть, всё-таки двигаешь в «Болото». И никакого Якива, разумеется, там не обнаруживается.

– Ну да. Всё равно ведь нужно было где-то пообедать, а у нас записывают на счёт. И к тому же в «Болоте» обнаружился ты, и мы заключили пари, опоздаешь ты сегодня на встречу или нет. Кстати, я надеялся разжиться десяткой.

– Ну это ты зря... Но ты решил не особенно следовать требованиям полиции – выложил всё мне. Вот это правильно сделал!

– Понимаешь, после такого переплёта... Мне нужно было с кем-то поделиться. И больше ни с кем об этом деле я не говорил.

– И правильно! Слушай, так Нальчича, полагаю, многие видели вчера в «Болоте». Хотя, конечно, утро, понедельник...

– Мы встретились на улице, я же сказал. Не доходя до клуба ещё с полверсты. Расположились за столиком уличного

кафе, под зонтиком. Боюсь, что никто из знакомых нас не заметил. А если бы и заметил, то чем это поможет? Ох, не нравится мне вся эта история! Инспектор на меня так глядел, будто это я уколошил бедного Якива. И он абсолютно в этом уверен, да не может вот так сразу на меня наручники надеть и в тюрьму упечь.

Плечи моего приятеля совсем поникли, он горестно уставился в свою пустую кружку.

– Мда... неприятная история! – глубокомысленно изрёк я. – Тут нужно всё как следует обмозговать.

Я подпер подбородок кулаком и наморщил лоб – честно пытаюсь исполнить своё намерение. Но обмозговывалось не очень. Я уже хотел попросить Мелиссу приготовить мне еще кофе, как она сама подошла с чашечкой. И, поставив её передо мной на стол, сказала:

– Думаю, нужно зайти в полицейский участок и навести справки. Инспектор наверняка оставил свою карточку. Ведь так?

Мы с Бивусом ошеломлённо подняли на неё глаза.

– Ты подслушивала?! – воскликнул я.

– Очень надо! Просто вы довольно громко говорите. А у меня тут так тихо...

– Ну тогда, Мелисса, ты поняла – ты должна быть нема, как рыба, которая проглотила язык! – я изобразил, как должна выглядеть такая безъязыкая рыба, медам фыркнула, тряхнула рыжими кудрями и снова удалилась за стойку.

– Да! Да, Бивус, так мы и сделаем! Мы сейчас отправимся в полицию. Ты ведь взял у инспектора карточку, или как это у них называется?

Бивус кивнул.

Я одним глотком выпил кофе и встал. На выходе небрежно бросил Мелиссе:

– Запиши на мой счёт.

Я было вытащил бабушкин зонт из корзины, но потом задумался, зачем он мне, если его невозможно открыть? Видать, тоже сломан, как и мой собственный.

– Господин не желает забрать свой зонт? – Мелисса посмотрела на меня своими прозрачно-зелёными, как майские листья, глазищами.

– Да на кой мне эта рухлядь?

– Возьми-возьми, чудо моё!

Бивус уже толкнул прозрачную вертушку двери, и шум города проник в помещение кофейни. Поэтому я не уверен, что Мелисса сказала именно это. Поскольку наши отношения ещё не зашли так далеко, чтобы... впрочем, с другой стороны...

Бивус держал дверь открытой в ожидании, когда я выйду. Взяв зонт бабушки Агрифизии под мышку, я последовал за другом наружу.

Глава 3. Ветренный полдень на проспекте Ха

Я сидел на скамеечке в маленьком сквере на углу проспекта Ха (не спрашивайте, почему он так называется, не до того сейчас) и Крашеного переулка. Одной рукой я держал зонтик, уперев его наконечник в плитку под ногами, а другую руку то и дело подносил к котелку – не для того, чтобы кого-то поприветствовать, в сквере было безлюдно, а чтобы удержать головной убор на его законном месте – голове.

Дождь к полудню перестал, зато ветер вёл себя как выпивший хулиган с окраины. Его неожиданные порывы заставляли женщин хвататься за шляпки и юбки, мужчинам, как выяснилось, тоже приходилось быть начеку.

Я придерживал шляпу, сидел и ждал Бивуса. Согласно данным из карточки, которую ему оставил инспектор криминальной полиции, участок, куда следовало обращаться, располагался неподалеку от нашего клуба. То есть если из сквера выйти на проспект Ха, пройти квартал в сторону площади Главного героя и свернуть на улицу Медных лбов, то через пять минут упрёшься в наш симпатичный домик с лиловыми колоннами.

А полицейский участок располагался почти на самом проспекте, в длинном четырёхэтажном доме, который дугой

охватывал скверик, где я сидел.

Сквер утопал в свежей июньской зелени и цветах, но настроение у меня было не такое, чтобы упиваться ароматом роскошных розанов – смутное было настроение, тревожное.

По белёсому небу неслись ключья тёмных туч, зелень во-круг меня испуганно трепыхалась и шелестела.

А что если Бивуса не выпустят, думал я. Возьмут и отправят за решётку. Нехорошо, нехорошо! Какого Хрёта он связался с этим Якивом.

Да, пользуясь несколькими свободными минутами, хочу прояснить кое-что относительно моего повествования. Пока мы (я и вы) не углубились в него основательно. Начну с неожиданного вопроса. Вы знакомы с гипотезой о множественности Миров? Знакомы? Так вот, она верна.

Вы, думаю, уже поняли – то, что я тут вам плету, совершенно немыслимо в вашем Мире (где бы он ни находился). Тогда у вас должен возникнуть резонный вопрос – а как это так выходит, что Миры разные, а слова вам знакомы. Ну, там «метры», «минуты», «макинтош» или, допустим, «фрусты» – это я наугад взял некоторые для примера. На самом деле вы никогда не узнаете, как они звучат на том языке, на котором я пишу эти строки. А я, в свою очередь, не узнаю, как шевелятся ваши губы, их читающие, и какие звуки вы будете издавать, если вдруг вам взбредёт в голову декламировать сей опус вслух.

Не знаю, как всё устроено именно в вашем Мире, а в моём есть немного той старой доброй магии, которая позволяет, скажем, Мелиссе готовить невероятно вкусные оладьи (и кофе, конечно) и не требовать с меня за них деньги. Так вот, эта самая магия превращает мои слова в привычные вам, и все всё понимают. Ну, во всяком случае, я на это надеюсь.

И ещё. Если вдруг вы из моего Мира, то вас вышеприведённый пассаж не касается, вам и так всё понятно. Возможно, кроме одного –зачем я всё время к вам обращаюсь. Ну так это манера такая, не обращайте внимания.

Скамья подо мной вздрогнула, и я тоже вздрогнул – от неожиданности. Нервы ни к Хрёту. А это всего лишь мой друг опустился на краешек рядом со мной.

– Ну и?.. – я выразительно взглянул на него.

– Нету, – глухо сказал Бивус.

– Чего нету? – не понял я.

– Ни «чего», а «кого». Инспектора нету.

– А-а. А почему в таком случае ты так долго?

– Его вообще нету. Ни в их участке, ни вообще в Невербухе. Этого инспектора *не существует*.

Кажется, до меня начало доходить.

– Ну дела! Так это были мошенники?!

Бивус непонимающе взглянул на меня и что-то пробормотал.

– Что? – спросил я.

– Нальчич... – он, получается, с ними заодно?

– О! – я даже подскочил со скамейки. – Якив, получается, жив?

– Жив-жив, – мрачно подтвердил Бивус. – Лейтенант связался с его секретарём. Тот сказал, что был на связи со своим шефом весь вчерашний день. В полдень принял письмо от него, которое нужно было переслать *одному господину*, – Бивус наклонил ко мне голову, – то есть *мне*. И после они дважды говорили по аппарату. Последний раз – в девятнадцать тридцать, – мой приятель снова выразительно посмотрел на меня.

– То есть, уже после визита лжеполицейских!

– Ага!

Я вновь уселся на скамью, и задумчиво стал царапать плитку острием зонтика.

– Знаешь, что-то здесь не сходится. Всё равно нет объяснения странному поведению Якива. Сначала он выписывает чек, а потом пишет письмо с извинениями за то, что не выписал чек. Словно это два разных человека.

И откуда... – тут меня озарила страшная догадка и я вновь вскочил, – откуда у этих липовых полицейских оказалась твоя записка?! Послушай, похоже, с Якивом всё-таки стряслась беда!

Мой друг тоже поднялся и ошеломлённо воззрился на меня.

– Его захватила банда мошенников, возможно вымогателей, – продолжал я развивать свою мысль.

Бивус взволнованно закивал.

– И они решили вымочь, выможить... заполучить, одним словом, мой карточный выигрыш! – от переизбытка чувств у него даже губы задёргались. – А потом убить Якива и свалить всё на меня.

Мой друг судорожно вздохнул и закрыл лицо руками. Плечи его поникли.

– Э... ну послушай, это как-то чересчур... повернуть этакое дельце из-за каких-то ста фрустов. Похитить такого богача как Нальчич только из-за твоего чека – это как из ба-зуки стрелять по мухам. Давай рассуждать здраво. Восста-новим для начала хронологию. В ночь с пятницы на субботу ты выиграл у Якива в карты, так? – я загнул мизинец.

– Так, – кивнул Бивус.

– В понедельник утром он выписал тебе чек, – я загнул безымянный. – В два часа тебе передают от него записку, в которой он извиняется, что не смог встретиться утром и предлагает отдать деньги вечером этого же дня. Хотя утром вы уже встретились и долг он тебе отдал.

Бивус вновь кивает.

– Незадолго до вновь назначенной встречи к тебе приходят жулики, представившиеся полицейскими, и говорят, что Якив мёртв. А сейчас его секретарь сообщил, что разговари-вал с Якивом вечером в понедельник. Знаешь, что из этого

следует? – я растопырил все пальцы.

– Что? – Бивус уставился на мою пятерню, словно ждал, что она сейчас вытащит откуда-нибудь Якива Нальчича.

– Что утром ты встречался не с Якивом.

– Как это не с Якивом?! Он это был, пусть с похмелья и вообще, чудной, но не мог же я обознаться...

– А если это был актёр, похожий на Якива? Загримированный? Подпись научился подделывать.

Бивус возмущённо покрутил головой.

– Но зачем? Подделка подписи на чеке – это же лет на двадцать можно загреметь! Кто станет рисковать?

– Не знаю, не знаю, – я пожал плечами, – с поддельным чеком *ты* бы пошёл в банк. И если бы подделка обнаружилась – то сначала неприятности начались бы у тебя.

Бивус сокрушённо покачал головой.

– Вообще, моя гипотеза многое объясняет, – продолжил я. – Во-первых, почему Якив написал тебе письмо, как будто не зная об утренней встрече. Он действительно не ходил на неё, уж не знаю по какой причине. Во-вторых, эти негодяи, которые затеяли махинации с чеками Нальчича, испугались. Как раз того, что подпись недостаточно похожа на настоящую. И решили изъять поддельный чек подобру-поздорову. Но, видать, они решились на самый отчаянный шаг – похищение Якива. Настоящего. И звонил секретарю он уже с ножом у горла. Или с револьвером у виска.

– Да уж, – только и выдавил мой приятель, утирая пот со

лба.

И добавил уже более осмысленно:

– Но что же нам теперь делать?

– Теперь, мой друг, нам нужно собраться с мыслями и продумать последующие действия.

Я чувствовал себя настоящим детективом, словно попал в герои бульварного романчика о бандитах и сыщиках.

Мы с Бивусом вновь уселись на ставшую нам родной скамью. Похоже, она ни в какую не хотела нас отпускать. Остужая нам разгорячённые лица, с Залива дунул ветер. Мне под ноги швырнуло какую-то ярко размалёванную бумажку. Я прижал её к земле зонтом и поднял. Это была афиша.

– Может, нам стоит обратиться в полицию? Я могу ещё раз туда сходить.

Похоже, Бивус уже приступил к выполнению озвученного мной плана – стал продумывать последующие действия.

– Не уверен, что это хорошая идея. Ты, конечно, можешь подать заявление на мошенников, которые выдали себя за полицейских и забрали чек. Но в то, что они похитили Якива Нальчича, – я покачал головой, – детективы не поверят. Они же при тебе разговаривали с его секретарём. Мы только потеряем время.

– Так что же нам... – снова завёл шарманку Бивус, но я его прервал.

– Погляди, какая красочная афишка! Цирк тут у нас. Кто этот Ёксама Чудовёрт? У меня такое чувство, будто я о нём

уже слышал или читал.

Мой друг впился глазами в бумагу и вдруг хлопнул себя по лбу.

– Точно! Якив нам в пятницу все уши прожужжал про этот цирк. Он же сам всякими такими фокусами увлекается. Я имею в виду Якива. Помнишь, он в прошлом году в «Болоте» изображал факира? Пытался плевать огнём и чуть не устроил пожар. Прямо на сцене надрался, как последний пожарник... э... сапожник.

– Нет. Хотя, возможно, что-то припоминаю...

– Да ведь он занимается всем этим. Ну, то есть, привозит циркачей в Невербух, организует им гастролы. Цирковой антрепренёр, одним словом. Это у него не то развлечение, не то предприятие такое.

– И? – я пока не очень понимал, куда клонит Бивус.

– Так вот. Якив привёз этого Чудовёрта из каких-то глухих чащоб, чуть ли не из самой Древни.

Я ещё раз пробежал глазами по афише.

– Так, у них в это воскресенье было заключительное представление. Да, мне определённо кто-то о них говорил. Предлагали сходить. Не то Зюв, не то Мелисса...

– Да все об этом только и говорили последние два месяца – об их чудесах и чарах.

– Я, знаешь, не очень увлекаюсь такого рода зрелищами. Предпочитаю что-нибудь более интеллектуальное, бодрящее. Гонки на заврах, например. Или бои василисков – ну,

в общем, где можно делать ставки.

– Послушай! – шёпотом воскликнул Бивус, – ты вот сказал, что кто-то мог сыграть Якива в понедельник утром. Ну, артист загримированный. Так я только сейчас сообразил – те двое полицейских явно тоже были загримированы. Уж очень неестественно их лица выглядели. Да! Они показались мне очень странными личностями. Бледные как смерть, какие-то скособоченные, дёрганные. Голоса дребезжат. Я ещё подумал – что у них там в полиции творится? Нормальных кадров не хватает, берут кого попало. Так может, это и были цирковые артисты Ёксамы?! Из Древни. Там, говорят, и не такие чудища водятся.

Я снял шляпу, чтобы вытереть платком не только лоб, но и волосы. И хлопнул Бивуса котелком по колену.

– Ты чертовски прав, старина! Без циркачей не обошлось. Если я что-то знаю о Якиве, так это то, что он точно не мог не обмыть окончание гастролей, как следует. И, вероятно, в кругу этих самых циркачей. Чтобы, как это он говорит, быть поближе к народу.

Мы вновь поднялись с гостеприимной скамейки, на сей раз окончательно с ней распростившись.

– Бивус Крумчик, ты вот что сделай, дружище! Отправься-ка в контору Нальчича. Или к нему домой. В общем, разыщи его секретаря и расспроси о делах Якива с цирком этого, как его там, Ёксамы. И что Якив ему вчера по аппарату говорил – пусть вспомнит слово в слово. Скажи – от этого

зависит жизнь и здоровье его хозяина. И сохранность его, то есть секретаря, места.

– Душу вытрясу!

– А я отправлюсь прямо по этому адресу, – я ткнул пальцем в афишу, – разужнаю, что это за цирк такой. Уверен, что они ещё не уехали из города.

– Будь осторожен, Арчи! – Бивус взволнованно сжал мою руку. – Эти циркачи такой народ. Мало ли чего от них можно ожидать.

– Ну, я тоже могу показать пару фокусов, если припечёт. Предлагаю встретиться в кофейне у Мелиссы в шестнадцать тридцать, нет в семнадцать ровно. Думаю, у нас будет, что рассказать друг другу.

Да, если меня не будет к семнадцати тридцати, нет, к восемнадцати, обращайся в полицию.

– Лучше к девятнадцати, Арчи. Я же тебе говорил, у меня железная привычка...

Глава 4. Обед в ресторане клуба «Болото»

Расставшись с Бивусом, я не пошёл в цирк. Нет. Я пошёл по проспекту Ха в сторону площади Главного героя. На улице Медных лбов повернул налево и оказался у жёлто-зелёного трёхэтажного особняка с лиловыми колоннами – то есть в родном и милом моему сердцу «Болоте».

Ну посудите сами – время близится к обеду, а ничего, кроме пары оладий и двух чашек кофе не радовало мои вкусовые сосочки и мой трепещущий желудок. А трепещет он, потому что нос уже учуял соблазнительные ароматы из нашего ресторана и сразу сообщил о своих наблюдениях приятелю в животе.

В главном зале было малоллюдно. Я огляделся – у ближнего окна, за большим столом сидел Гобор Судда. Перед ним стояло блюдо с половиной жареного индюка. По его пухлым щекам (Гобора, не индюка) текли капли пота. Губы блестели от жира, перепачканная салфетка сбилась на бок.

Заметив меня, толстяк приветственно помахал индюшачьей ножкой. Я помахал в ответ, но прошёл мимо – углядел в самом дальнем и тёмном углу человека (скажем так), чьё присутствие здесь направило мои мысли относительно Якива Нальчича по новому пути, вернее, сразу по нескольким

путям. А сам я направился напрямиком к столику, за которым этот человек (более или менее) сидел.

Фициус Осмин флегматично отрезал кусочки кровавого бифштекса и отправлял их в рот. В высоком фужере поблёскивало что-то тёмно-красное. На худом бледном лице застыла гримаса привычной лёгкой брезгливости. Чёрные пряди сальных волос падали на низкий лоб. Маленькие и блестящие, словно чёрные бусины, глазки бесцельно шныряли по залу.

– Привет, Фици, не возражаешь, если я расположусь тут. Посижу рядышком с тобой?

Бусинки впились в моё лицо, вновь пробежались по залу с незанятыми столами. Чванливо оттопырив верхнюю губу (вероятно, это подразумевало радушную улыбку), Фициус проскрипел:

– Конечно, Арчи! Всегда приятно провести время с умным и воспитанным собеседником.

– Спасибо за комплимент! – я уселся за столик этого неприятнейшего типа и дал знак официанту.

– Это не комплимент. Вернее, комплимент, но я не тебя имел в виду. Хе-хе! Кстати, чудный зонтик! Никак ограбил дом престарелых?

Фициус Осмин во всей красе. Позвольте представить и отрекомендовать. Гадкий характер, отвратительные манеры, убогое чувство юмора. Но если вам нужно узнать что-то этакое горяченькое, с душком, покопаться в чужом грязном бе-

лье, то вам напрямик к нему. Все измены, разводы, аферы, банкротства, самоубийства и прочее исподнее невербухского благородного общества сначала достигает оттопыренных ушей, цепких глаз и длинного чуткого носа Фициуса, и только затем становится достоянием широкой общественности. А ещё Фициус был, нет, не другом Якива, не такой дурак Фициус, чтобы заводить друзей, но, насколько я помнил, с Якивом Нальчичем они частенько безобразничали вместе. Одним словом, у меня имелись весомые причины потерпеть его общество во время обеда.

Я сделал заказ, попросив официанта записать за мной. Глазки Фици на мгновение жадно вспыхнули и тут же погасли. Мои денежные затруднения были ему неинтересны – крах злополучного банка Мазая-Рэмси и его последствия уже давно сошли с языков столичных сплетников.

– Слушай, Фици, – я закинул удочку, хлебнув принесённый расторопной обслугой аперитив, – а что там за история вышла у нашего Бивуса и Якова Нальчича? Говорят, они подрались за карточным столом.

– Подрались? – Фициус сделал глоток своего пойла и презрительно почмокал тонкими губами. – Я бы это так не назвал. Два младенца-паралитика устроили бы более эффектную потасовку, чем эти недотёпы. Но младший Нальчич нарезался тогда отменно! И в Подлеца его разули, словно перwokлашку. Совсем ничего не соображал, хе-хе!

– Да, полный стакан может привести к пустым карманам, –

философски заметил я.

– Стакан тут ни причём. Ну, то есть, причём, конечно. Но истинная причина совсем не в спиртном.

– А в чём же? – простодушно удивился я.

Фици тоже уставился на меня с неподдельным удивлением.

– Ты, Арчи, что-то в последнее время совсем выпал из светской жизни.

– Ну, пожалуй, есть немного... – пробормотал я, пробуя крем-суп из спаржи, белых грибов и перепелиного мяса с крутонами, горячий и ароматный. – Отменно!

Фициус вздохнул.

Ты разве не знаешь, что Якив притащил в Невербух настоящих колдунов из Древни? Ты что, так и не сходил на их представление?

Я отрицательно покачал головой, похрустывая крутоном.

– А я сходил. Никогда раньше ничего подобного не видел. И знаешь, не хочу больше... бр-р! Даже если мне заплатят за просмотр. Билет в их вертеп стоил кругленькую сумму. Но там... там можно было оставить не только деньги, но и душу!

Я насторожился. Чтобы Фициус Осмин, про которого толковали, что он на четверть вурдалак, заговорил о душе, что бы он под ней ни понимал, – это чем же нужно было его пронять?!

Фициус потёр кончик носа.

– Там много было разных номеров. Приведу небольшой

эпизод – зрителям завязали глаза чёрными шарфами и повели куда-то. И вот я иду... а справа и слева бездонные пропасти! Я не видел, естественно, но там точно были обрывы. И вдруг ветер задует, завоет как голодный гуль. И пытается в пропасть столкнуть. А потом повязку снимают, а тебе кажется, что не сняли, тьма такая, будто ослеп. И голос в голове: «Где твои глаза?». Я руки к глазам – а их нет!

– Глаз?

– Рук! Глаз, головы, живота. Ничего нет!

Фициус засипел, заскрёб ногами пол, показывая, как ему было страшно.

– Случайно не знаешь, они ещё не уехали?

– Случайно не знаю. Последнее выступление было позавчера. Так что свой шанс подмочить подштанники ты, дружище, упустил!

Это упыринное (по слухам) отродье откинулось на спинку стула и, оскалив жёлтые зубы, конвульсивно задёргалось, с шумом втягивая воздух. Это он так смеётся, гадёныш.

Отсмеявшись, Фициус вновь посерьёзnel.

– И вот представь, Якив с этими колдунами целыми днями пропадал. Ни о чём другом толковать не хотел, всё об этом их Ёксаме Чудовёрте талдычил. Поверь, Арчи, нечисто там что-то. Тёмное дельце. Чарами злыми, дикими пахнет. Денег с этого Ёксамы за выступления Якив ведь не взял. Я точно знаю. Где это видано?! Одним словом, мозги у Якива стали спекаться – это Ёксама постарался. Я даже порекомен-

довал бедняге одну знакомую ведьму. Чтобы морок от него отвела. Она дело своё знает, да, видать, не очень помогла. Раз циркачи эти никаких денег Якиву так и не выплатили, даже за аренду цирка, который он им нашёл. Он и меня не стал слушать. Сам за всё заплатил, как будто так полагается. Нет, так дела не ведут!

Фициус возмущённо сорвал с шеи салфетку и бросил на стол.

– Слушай, Фици, а ты не мог бы дать адресок ведьмы? У меня есть виды на одну медамочку, но всё никак не складывается...

Фициус вновь с интересом взглянул на меня, коротко хохотнул.

– Тут не ведьма нужна, а фрусты да побольше. Как её зовут-то?

Я улыбнулся и покрутил головой, дескать, это я уж точно тебе не скажу.

Фициус усмехнулся и хлопнул по столу рукой.

– Хорошо, будь по-твоему! Хотя её услуги стоят недёшево...

Он взял карандаш и листок у подошедшего официанта. Нацарапал адрес, расплатился и ушёл, злобно цыкнув зубом в качестве прощания. А я остался. Мне как раз принесли на изящном серебряном блюде хоботки тропиканских кровососов, обжаренные на осиновых шпажках и томлёные в чесночно-сливочном соусе. М-м!

Спустя ещё три четверти часа я, сытый и довольный жизнью насколько это возможно в моих стеснённых обстоятельствах, поймал на улице Медных лбов извозчика и продиктовал ему адрес, записанный Осмином.

Да, в узком коридорчике между туалетом и курительной комнатой я столкнулся с толстяком Гобором и занял у него пятёрку.

Глава 5. Туманное послеобеденное время на Заливной стороне

Вот тут объясню – Заливной сторона называется, потому что располагается у Залива. Ну и заливает их часто.

Да, ведьма жила на Заливной стороне. Нет, я решил пока не ехать в цирк. Того, что я услышал от Фициуса, мне хватило, чтобы изменить планы.

Немного удивляло, что Осмин так легко выболтал про ведьму и даже адрес дал. Нет, сплетни – это его жизнь, без них он хиреет и сохнет. Он ими и сам питается и охотно делится со всеми, кто попадает в сферу его зловонного дыхания. Но другое дело – приватная жизнь богача Якива Нальчича, не последнего человека в Невербухе. Наверняка тот потребовал от Фициуса держать язык за зубами.

Пока я предавался раздумьям, сидя в закрытой по причине плохой погоды кабине экипажа, тот вёз меня к Заливу – а это неблизкий путь. Но вот наконец, лошади встали. Я открыл дверцу кабины и не сразу решился выйти – к ногам поднимался такой густой туман, что пропадала всякая уверенность в существовании под ним земной тверди. Весь пейзаж на расстоянии, большем вытянутой руки, тонул в белёсой мгле.

Рассчитавшись с извозчиком, тот взял в двойном размере

– за поездку в сложных погодных условиях, я двинулся на поиски нужного дома.

Оказалось, если внимательно вглядываться в подвижные клубы, то они начинали выдавать некоторые тайны окружающего мира. Откуда-то сверху к моему плечу склонилась ветвь дерева, кажется, ивы. С длинных узких листьев стекали мелкие капли. В десятке метров от меня (а может, в тридцати – туман начисто отменял привычные представления о пространстве), угадывались очертания большого здания. Было безлюдно и тихо. Похрустывая мокрым песком, я направился к дому по угадываемой под ногами дорожке. Прошёл мимо фонарного столба. Вероятно, по причине сильного тумана, фонарь был зажжён – бледно-голубой подрагивающий шар свисал над невидимой дорогой диковинным цветком. Справа темнели узоры невысокой ограды. На ходу я провёл зонтиком по чугунным прутьям и извлёк из них обрывок унылой, однообразной мелодии.

Дом вблизи оказался таким же серым и мрачным, как и на расстоянии. Табличка – «ул. Сонная Л., д. 13/11». Извозчик честно заслужил двойную оплату – в таком киселе привёз именно туда, куда требовалось. Немного побродив вдоль длинного здания, я нашёл нужную парадную. Входная дверь не заперта, никаких привратников, консьержей и тому подобного в маленьком замызганном холле, разумеется, не оказалось.

По узкой тёмной лестнице я добрался до четвёртого эта-

жа, никого не повстречав. Хотя кое-где за дверями слышались звуки: детский плач, крики, кошачье мяуканье. По крайней мере, успокаивало то, что дом жилой.

Вот и нужная дверь – ни звонка, ни таблички. Хотя номер имеется – нацарапанные на закопчённой стене цифры – 33. А сама дверь солидная, крепкая и явно недешёвая. Хорошо живут невербукские ведьмы – видать нет недостатка в клиентах.

Я негромко постучал в тиснёную чёрную кожу. Подождал, постучал сильнее. Безрезультатно. Взялся за ручку и потянул дверь на себя – она беззвучно отворилась, и я шагнул в темноту за ней. В передней оказалось не так уж и темно, просто глаза никак не могли привыкнуть... Но если внимательно взглядеться в белёсые клубы, то можно увидеть деревья, горящий фонарь и даже невысокую ограду.

Постойте! Я развернулся и тупо уставился на дверь парадной, в которую, как мне казалось, вошёл несколькими минутами ранее. Это что же получается, никуда я не поднимался, а просто задремал на ступеньках крыльца? И весь путь наверх мне приснился? Это уже ни в какие ворота!..

Я решительно распахнул двери, пересёк грязный холл и стал подниматься на четвёртый этаж.

Я шагал по щербатым ступеням, прислушиваясь к звукам за стенами квартир: где-то далеко выла собака, чуть ближе самозабвенно и безжалостно терзали скрипку. На одной из площадок пахло лекарствами, и за дверью плакала навзрыд

какая-то женщина. На следующей площадке я услышал глухие шлепки – как будто молотком стучали по чему-то мягкому, надеюсь, делали отбивные. Я поднимался всё выше и выше.

Кто-то громко, с надрывом закашлялся прямо у меня над ухом, я резко остановился и огляделся. В маленькое окно под самым потолком просачивался скудный свет. Помещение, где я оказался, было довольно просторным, но до крайности захламлённым. Повсюду громоздилась поломанная мебель, на полу стояли кадки с засохшими растениями, валялись тюки и свёртки. Лестница тут заканчивалась. Выше, похоже, была только крыша.

Я прошёл в глубь помещения, наступая на детские игрушки и грязное тряпье, уселся в страшно пыльное кресло с одним подлокотником и задумчиво уставился в серое оконце.

Сколько я так сидел, не могу сказать. Наконец, в оцепеневший мозг проникла здравая мысль – а что, собственно, я здесь делаю? Я же шёл к ведьме! А-а, вот в чём дело! Да, хорошо знает своё дело Хрётова дочь!

Я вернулся на лестницу и стал спускаться – дверь с номером 33, если не ошибаюсь, должна находиться на четвёртом этаже. Я быстро шагал, уже не прислушиваясь ни к каким звукам. Да и тихо было теперь на площадках – мне стало даже как-то не по себе. Я прибавил ходу. Я почти бежал, перепрыгивая через ступеньку, а то и две. Вдруг перепрыгивать стало небезопасно – ступени укрыл густой туман, я поневоле

замедлил шаг. Потянуло сыростью и йодом. Дохнувший ветер открыл передо мной тёмное пространство – у ног плескались волны. Я обессиленно уселся на каменные ступеньки. Ну да, это спуск к воде. На Заливной стороне с набережной действительно можно подойти прямо к морю – лестницы постоянно подтапливает.

Я покрутил головой – и чуть не закричал – буквально на расстоянии вытянутой руки на меня свирепо скалилась морда хищного зверя – пасть разинута, глаза зло прищурены – вот-вот бросится! И тут же я с облегчением сообразил, что это всего лишь бронзовая статуя. На набережных у нас то тут то там попадаются металлические или каменные зверушки.

Ещё не отойдя от потрясения, я полушутя хлопнул хищника по зеленоватому лбу зонтиком... И тут ступени вывернулись из-под меня, я перекувырнулся через голову, правда, как-то криво, не очень эффектно, как мне показалось. И едва не шлёпнулся на пол в полутёмной передней. Но тут же выправился и, приосанившись, огляделся. Проход в квартиру перегораживала тучная баба в каких-то серых шалях и зелёном чепце, из-под которого выбивались седые пряди. Она держалась обеими руками за лоб и ошарашенно хватала ртом воздух. В глазах, уставившихся на меня, читались неподдельные изумление и ужас.

И тут же весь морок как рукой сняло! Так вот почему Фициус дал её адрес – потом бы от неё вызнал подробности моих мытарств на лестницах дома и его окрестностях. И

стал бы их пересказывать нашим общим знакомым в «Болоте», добавляя от себя всё более фантастические подробности. Вот вурдалачье рыло! А путь к тёеньке был мне явно заказан. Но теперь я пришёл в самое что ни на есть боевое расположение духа и намеревался ковать железо, пока горячо.

– Это ты так гостей встречаешь?! А, (я заглянул в бумажку Фициуса) Гердулия? Карга ты косоротая! – заорал я, и принялся угрожающе размахивать зонтиком перед носом ведьмы.

Её реакция, признаюсь, стала для меня неожиданной – старуха повалилась мне в ноги и завывала в голос – ой, не губи, мол, дуру старую! Хрёт попутал и тому подобное.

– А Якива Нальчича, друга моего дорогого, заморочить, со свету, можно сказать, сжить – тоже Хрёт попутал?!

Старуха вдруг перестала блажить. Лежит, значит, на коврике в прихожей, разглядывает мои штиблеты и молчит. И я молчу, с ноги на ногу переминаюсь.

С минуту, наверное, так молчали, а потом ведьма со скрипом и охами поднялась, отряхнула подол и внимательно на меня посмотрела. И не просто внимательно – а так, чтобы насквозь взглядом пробуравить – как только ведьмы и налоговые инспекторы умеют.

И уже другим тоном проскрежетала:

– Пойдём на кухню, мил человек, разговор, видать, у нас долгий будет.

Вновь как-то по-особенному на меня зыркнула и добавила:

– Ты бы зонтик здесь оставил, чего его на кухню тащить.

Но у меня в голове зашевелилась некая смутная мыслишка... Я махнул разок другой зонтиком, как шпагой, да и пошёл с ним, ничего ведьме не ответив.

Глава 6. На кухне у ведьмы

Гердулия провела меня в махонькую кухоньку, усадила на скрипучий стул, налила в большую глиняную кружку чаю. Потом, погремев да пошуршав в буфете, выставила на стол блюдце с баранками и вазочку с вареньем. Налила себе в узкую рюмку вонючей зелёной настойки.

Заметив, что я с подозрением принохиваюсь к пару над кружкой, почти весело сказала:

– Не бойся, господин, ничего плохого я тебе не сделаю. А поговорить нам надобно. Про этого самого Якива. Приходил он ко мне в первый раз дён десять назад – говорит, морочит ему голову один злой колдун. Я проверила – нет никакого морока. Так ему и сказала. А он мне – колдун страшный, хитрый оченно! Ну я и наказала ему принести что-нибудь, что этому чароплёту принадлежит, чего он руками трогал, а ещё лучше волосы или ногти.

Ну вот, через три дня, то есть аккурат неделю назад приносит его благородие хлыст и кружку. Хлыстом, мол, этот – зверей да слуг погоняет, а из кружки пил. Ну поворожила я маненько – да так и села на пол. Сила у этого колдуна немалая, тёмная и шкурой звериной разит. Давно с такими лешаками дела не имела.

А Якив как давай упрашивать – сможешь ты сделать так, чтобы он силы колдовской лишился, а я бы её приобрёл?

Очень он хотел научиться фокусам всяким да чарами овладеть.

Бабка ненадолго прервала рассказ, приложилась к рюмке, задумчиво покатала настойку во рту и проглотила.

– Только нет у него никаких, ну вот хоть с мизинец, способностей, у Якива-то. Я, конечно, в отказ – дело-то ой какое серьёзное.

Ведьма вновь смолкла и уставилась в рюмку.

– Ну и..? – я решил, что пауза в рассказе затянулась.

Гердулия поднялась, налила себе ещё, а бутылку, подумав, оставила на столе.

И только осушив вторую рюмку, продолжила:

– Да уговорил меня, дружок твой! Да и как такой не уговорит – этакие деньжищи посулил!

Значить, приготовила я ему капли, заговорила их заговором железным и заговором огненным, на пустом сердце заклала. Сил тот колдун обязательно бы лишился, да и поделом ему – нечего из своих топей к нам в столицу лезть.

– А Якив, стало быть, должен был получить все его силы? – перебил я её.

Старуха махнула рукой.

– Да какое там! Я ж говорю, неспособный он по части магии, полено стоеросовое. Ну так, по мелочи, смог бы, наверное, фокусничать. Девок развлекать. А что-то, глядишь, из силы колдовской и мне бы перепало. Зря я что ль в капли поплевала перед тем, как ему отдать!

Я виду не подал, а мысленно присвистнул – чтобы опытная ведьма взяла, да и призналась, что обманула клиента – это что-то неслыханное! Хотя, бабушка, смотрю, к спиритному очень даже равнодушная, похоже всю осторожность пропила.

Гердулия, налив и опустошив третью рюмку, рассказывала дальше.

– Объяснила, как зельем распорядиться – ну тут, как обычно. Подлить в кружку тому, подлить себе – и выпить. Дело нехитрое.

Неожиданно хлопнув себя по колену, крикнула и выругалась так, что если бы её услышали матросы в порту, то непременно заплодировали.

– А вчера вечером – приходят оба. И в таком, я тебе скажу, непотребном виде, ох-хо!

– Это в каком таком виде, – удивился я, – голые что ли?

– Да лучше бы голые, – поморщилась старуха. – Я как увидела этого колдуна, ну то есть, то, что из него получилось, так всё поняла.

Старуха неодобрительно побряхтела и опять замолчала.

Я сграбастал её бутылку, подхватил рюмку и налил до краёв. Придвинул ей. Она, даже не взглянув на меня, опрокинула рюмку в рот и рассмеялась:

– Хр-хр-хрр-у... (вот примерно так смеются старые ведьмы)...урх!

Отсмеявшись, стала дальше рассказывать:

– Этот Ёксама сам хотел полд... пол...длянку Якиву завернуть – память и тело его себе забрать, а своё ему подсушить. Это я, как они ко мне пришли – про...ик!..знала. Слюнки мои мне подсказали, хе-хе! И стал бы лесной колдун Ёксама самым могущщ... могусешным (язык у старушки начал заплетаться) человеком Невербуха – и кур деньги не клюют и сила колдовская при ём. Да... ик!.. пррссчт... читался болезный. Как раз когда он своё чёрное чародеество деял, Якив зелье моё подлил. Сила на силу нашла. И так их скрутило обоих!

Гердулия вновь хихикнула и потянулась к бутылке. Но я её опередил и отодвинул бутылку подальше. Гердулия промолчала, только в глазах появился недобрый блеск. И продолжила дальше – даже язык перестал заплетаться, от злости, не иначе.

– Пришли ко мне. Два страхолюдины – и смех и грех, чesлово! Перемешались они, значить.

– Это как, перемешались? – осторожно спросил я.

– А так – оба теперь наполовину Якив, а наполовину Ёксама. И не разберёшь, кто есть кто, да кем кто был. Одна рука от Якива, другая от Ёксама, один глаз от Ёксама, другой от Якива. Ну и так дальше. Ужос тихой! Хе! Так вот, приходят ко мне – и Нальчич, ну, то есть, тот из этих уродов, у кого душа Нальчича осталась, давай меня ругать по-всякому. Костерит, на чём свет стоит! Дескать, возвращай всё взад! Но не на ту напал. Про приятеля его лесного сказала,

про его козни. И, говоря, я свою часть уговора исполнила – силы Ёксама лишился, это как пить дать! Пустенький стал, чисто воздушный шарик, слабый, что твой новорождённый котёнок. А не как задумано вышло – так это со своего дружка спрашивай. Я тут ни причем, с меня взятки гладки, дело своё сделала, давай расплачивайся.

Как дошло до них, что каждый другого хотел обмишулить, так вцепились друг другу в космы, буро-жёлтые да пегие-клочковатые, за глотку друг друга давай хватать. Пришлось кипяточку немного плеснуть, остудить им головы. А тут их окончательно дотыкнуло, что дела-то у них неважные. Так в ноги мне упали, молят, верни всё как было. Богатства сулят несметные. Я махнула рукой, плюнула и...

Гердулия вновь умолкла.

– И?! – я попытался её подогнуть.

Ведьма неожиданно перегнулась через стол, молниеносным движением выхватила у меня из рук бутылку и приложилась к горлышку.

После нескольких затяжных глотков отстранилась от бутылки, утробно рыгнула и тяжело осела на стул.

– ...И не смогла... нишчего не смогла, – и, уже опуская голову на грудь, едва слышно пробормотала:

– Ох, чую, смерть их лютая ждёт. Скоро, очень скоро. Такие силы схлестнулись!

Я совершенно обалдел от этих её откровений.

– Это ещё почему?! Чего ты дура старая плетёшь?

Старуха вскинула голову, глянула на меня из-под кустистых (как и положено ведьме) бровей так, как давеча в передней – пронзительно, цепко – аж до костей пробрало. И низким хриплым голосом прокаркала:

– Разум они теряют. Вчера уже не в себе были. Имена свои едва помнят. Завтра как звери дикие станут, выть будут по-волчьи, реветь по-медвежьи, по земле кататься да пену пускать, словно шакалы бесноватые. А потом бросятся друг на дружку и загрызут насмерть.

В маленькой кухоньке повисла неприятная тишина. Попробовав эту тишину на вкус и скривившись, как от лимона, я брякнул:

– А если их по разным клеткам рассадить?

– А всё едино сдохнуть. Скрозь их теперь такие дебри прорастают, урёмы глухие тянутся, мари бездонные пучатся... Ёксама этот, чтоб его Хрёт побрал, очень непростым оказался – так наворожил над его благородием, что бр-р! – бабка поёжилась. – Но тут уж ничего не попишешь.

– И неужели ничем не помочь?! – в отчаянии воскликнул я. – Ведь Якива спасти надо! Ну, может, есть какое-то средство?

Гердулия уперла подбородок в заскорюзлый кулак и покачала головой.

– Ну разве Феёри...

– Что Феёри?.. А они что, правда, есть? – глупо спросил я.

Я, признаться, считал, что Феёри – так, детские сказки,

выдумки няnek, которым нужно загнать подопечных чад в постель.

Если я верно помню то, что мне на ночь рассказывала моя нянька, это такие удивительные создания, которых нельзя увидеть, если они того не желают. А они не желают. Но если Феёри всё-таки явится, то, говорят, может исполнить любое желание. Выглядят эти непостижимые существа – как очень красивые женщины, только ростом с синицу. И светятся, как лампочка. Вроде бы жили они когда-то, в незапамятные времена, в наших местах, да все вывелись.

– Есть-есть, – задумчиво пробормотала бабка, – да не про нашу честь. Я видела одну... в юности.

– Так может, её вызвать можно? – я как утопающий хватался за соломинку. – Может, обряд какой там, или заговор?..

Ведьма посмотрела на меня, как на слабоумного, даже пальцем у виска покрутила. И не слова больше не говоря, шмякнулась головой о стол и захрапела.

Я пытался её растормошить, но все усилия были тщетными – Гердулия только громче всхрапывала, хихикала и бормотала обрывки каких-то заклятий.

...

Сказать, что я возвращался на бульвар Левых ног в задумчивости – значит, ничего не сказать. Покачиваясь на сиденье кабриолета, я пытался воедино связать рассказы Бивуса, Фициуса и Гердулии. С кем вчера утром встречался мой

друг? Загадка. Что означает позже полученная им записка от Нальчича? Загадка. Правда, стало понятно, кто такие эти поддельные полицейские, которые наведывались к Бивусу. Всё указывает на то, что это и была волшебная парочка – Якив и этот Хрётов Ёксама.

Если ведьма не врёт, и мозги у них скисли, тогда не стоит особо ломать голову над целями их визита. Ясно, они не хотели разглашения своей истории, поэтому и припугнули Бивуса. Правда, добились, скорее, обратного результата – теперь за дело взялся знаменитый детектив Арчимольд Штокер. Он всех преступников выведет на чистую воду и накажет. А пострадавших утешит и спасёт. Вернее, сначала спасёт, а потом утешит. Ах, если бы так оно и было! Мечты, мечты!

Хотя, может, действительно переквалифицироваться из аристократа-бездельника в детектива? А что, жизнь заиграет новыми красками, и в денежном плане вдруг будет какой-никакой профит? Эх, мечты, мечты!

Глава 7. Ясный вечер на бульваре Левых ног

Когда я вышел на углу бульвара Левых ног и Кулёчной улицы, был тихий и ясный вечер. Солнце, спрятавшееся где-то на Заливной стороне, откуда я приехал, окрашивало западный край неба в нежные лимонно-апельсиновые тона. Остальная часть небесного покрывала сохраняла безмятежную синеву. Слово и не было свинцовых туч и дождя утром!

За рекой в умытом небе сияли шпили Княже-герцогского дворца, военно-морского Адмиральства и Торговой Палаты, словно мачты нашего великолепного парусника, нашего могучего фрегата под названием «Невербух».

Только отпустив извозчика, я сообразил, что вышел не на том углу – я собирался сразу зайти в «Дрой дрг», где ждал меня Бивус. Но пришлось снова, как и утром пересекать перекрёсток. И ещё будучи в процессе его пересечения, я разглядел пингвинообразную фигуру своего друга. Опустив голову, он удалялся от стеклянной двери кофейни.

– Эй, Бивус! Ты куда? – окликнул я его.

Он обернулся и всплеснул руками.

– В полицию! Время, между прочим, уже без четверти девять. Если бы мы поспорили о твоей пунктуальности сегодня днём, то я бы уже отыгрался.

– Да? Но мы поспорили о ней вчера. Ну будет, будет! Не ворчи. Когда расскажу, что я разузнал, ты поймёшь, что я не зря тратил время.

Мы зашли в кофейню. Мелисса, сидевшая за стойкой, адресовала мне такой укоризненный взгляд, будто это она меня ждала, теряя терпение, а не Бивус. А может, и ждала, кто её знает.

Ещё я с удивлением увидел за одним из столиков своего камердинера. Зюв чинно пил чай и методично кусал вафельную трубочку. Его подбородок был измазан кремом, но это никак не сказывалось на величественности облика моего слуги.

– Привет, Зюв! А ты что тут делаешь?

– Добрый вечер, монцар. Пью чай и жду вас.

– Это я его позвал. Я зашёл к тебе удостовериться, что ты не дрыхнешь дома вместо того, чтобы спешить на встречу. И решил проветрить твоего камердинера. Мне показалось, его помощь может быть нелишней.

Бивус приставил ещё один стул к столику, где сидел Зюв. И мы расположились втроем, голова к голове, словно заговорщики.

Я потребовал, чтобы Бивус первый рассказал то, что ему удалось узнать у секретаря Нальчича, а также чашку горячего чаю. Не успел я толком высказать это второе своё желание, как перед моим носом материализовалась она же чашка и блюдце с шоколадным печеньем. Я с восхищением и бла-

годарностью проводил взглядом спину Мелиссы, отхлебнул чаю и принялся слушать Бивуса.

– Мне с самого начала повезло, – горделиво начал он. – Выяснилось, что господин Ружан, исполняющий обязанности секретаря Якива – отец Вувуха, жениха Мируситы. Когда я узнал это, то понял, что он в моих руках. Хе-хе!

Я, уставившись на рассказчика, приподнял правую бровь – это выражает у меня крайнюю степень недоумения. По-моему, выходит очень эффектно.

Бивус тоже оценил мой мимический шедевр и снизошёл до объяснений.

– Дело в том, что Мирусита – горничная моего дяди Пагиля – ну, того, который постоянно задерживает переводы. И когда я намекнул господину Ружану, что могу устроить так, что эту Мируситу на всё лето отправят за город – в дальнейшее поместье, то он проникся ко мне искренней симпатией и стал намного более разговорчивым.

– Я покрутил головой, потом вопросительно взглянул на Зюва, мол, ты хоть что-нибудь понял? Тот пожал массивными плечами и хмыкнул, дескать, а что тут непонятного?

– Почему это? – всё же пришлось перейти с языка мимики на обычный.

– Да потому что господин Ружан категорически против этого брака!

– А-а, – глубокомысленно сказал я. И, немного помолчав, добавил, – я-то уже стал слегка терять нить твоего потряса-

юще яркого и безусловно захватывающего повествования. А теперь всё стало ясно! Ты закончил, Биви?

Бивус снисходительно посмотрел на меня.

– В общем, я узнал следующие факты: Якив действительно кутил в компании Ёксама Чудовёрта в ночь с воскресенья на понедельник. Сначала в ресторане «Куарвинушка»... оцени размах... затем непосредственно в помещении цирка, где проходили представления, ну, который в парке Последней надежды. Это известно доподлинно, так как Якива сопровождал слуга – молодой парень по имени Хаваня.

Если кратко изложить то, что Бивус узнал от Хавани, которого господин Ружан вызвал в контору, то получается следующая картина.

Якив и Ёксама пили и горланили песни до глубокой ночи – в гримёрке Ёксама. Хаваня ночевал на топчане в коридорчике неподалёку. Утром, в начале десятого, Якив вышел в коридор, и, не обращая внимания на слугу, удалился. Примерно через час Хаваню позвал к себе Ёксама. Слуга ещё удивился – глава труппы никогда не разговаривал с ним, хотя за два месяца представлений древенцев в Невербухе, Хаваня частенько бывал в цирке, сопровождая своего господина.

Ёксама дал ему конверт и наказал передать его секретарю Якива. Слуга не должен выполнять приказы постороннего лица, если это не одобрено его господином, но Ёксама держался так уверенно, что Хаваня не посмел ему перечить. К тому же Ёксама приложил к конверту записку для секретаря

– она не была запечатана, и Хаваня узнал почерк господина. Он поехал с конвертом в контору Нальчичей, отдал записку и конверт секретарю и был отправлен обратно в цирк, дожидаться Якива.

Когда Хаваня вернулся в цирк, в гримёрке слышались голоса. Двое горячо спорили, иногда переходя на брань. Потом послышались ужасные вопли, затем, после мертвой тишины, показавшейся Хаване бесконечной, споры и ругань возобновились с утроенной силой. Когда же он робко постучался и позвал хозяина, тот обругал его через закрытую дверь и приказал идти на все четыре стороны. Однако слуга решил остаться. Он попытался выяснить у членов труппы – что происходит. Но они были немногословны, сновали туда-сюда, перетаскивая своё имущество – труппа собиралась в середине недели покинуть Невербук. Хмурые древенские мужики посоветовали Хаване не совать нос в дела их руководителя.

Часа через два дверь чуть приоткрылась, и кто-то хриплым голосом потребовал (Хаваня так и не понял, чей это был голос, Якива или Ёксамы), чтобы к ним в гримёрку протянули телефонный аппарат. Аппарат находился этажом выше, в кабинете директора. Надо сказать, что Якив арендовал здание с условием – что на время пребывания труппы Ёксамы, весь коллектив цирка уйдёт в отпуск. Директора за хорошее вознаграждение тоже на два месяца освободили от необходимости занимать свой кабинет. В общем, аппарат перенесли из пустующего директорского кабинета в гримёр-

ку Ёксама. Причем ни Ёксама, ни Нальчич её так и не покинули. Затем к дверям гримёрки подходили какие-то тёмные личности, вероятно, вызванные по аппарату, и прямо у едва приоткрытой двери обделывали непонятные дела с Якивом.

Наконец, дверь гримёрки распахнулась и пред очи Хафани явились два странно выглядящих господина – одеты они были в похожие, ничем не примечательные костюмы, такие обычно носят чиновники средней руки. Необычными были головные уборы вышедших – шляпы много большего размера, чем требовалось. Поэтому лиц странной парочки невозможно было разглядеть – их укрывали поля надвинутых на глаза огромных шляп. Шли они как-то неуверенно, на каждом шагу пошатываясь и нелепо дёргаясь.

Но самую главную странность Хаваня осознал позже – и рассказал о ней секретарю и Бивусу. Господа эти были примерно одного, среднего роста и схожей комплекции. Дело в том, что трудно было найти двух так сильно отличающихся внешне людей, как Якив Нальчич и Ёксама Чудовёрт. Но, поскольку, один из них на ходу обратился к Хафане по имени и с хорошо знакомыми ему интонациями велел убираться из цирка, то сомнений у слуги не осталось, это его господин – Якив Нальчич.

Стоит описать подробнее Якива и Ёксаму, чтобы понять, почему слуге показалось, что он видит каких-то незнакомых людей.

Якив – высокий и плотный, с волосами, прямыми и жёл-

тыми, как солома, с румяными щеками, толстыми губами и носом-картошкой. Глаза у него бледно-голубые, а ресницы, можно сказать, бесцветные.

Ёксама – со слов наблюдательного Хафани – тот ещё красавец: низкий, жилистый, весь искривлённый и скрученный. С покатыми и неровными плечами. Очень смуглый и волосатый. И лицо всё скошенное на бок, большой рот с тонкими губами, крючковатый нос, маленькие зелёно-жёлтые глазки под сросшимися густыми бровями. Волосы – жёсткие тёмные космы, на затылке похожие на гриву.

Так вот, они ушли вместе часов в пять пополудни понедельника, и больше их Хаваня не видел. Сам он вскоре удалился из цирка – как и велел ему хозяин.

Господин Ружан подтвердил Бивусу, что в записке, принесённой Хаваней, было указание найти его, Бивуса и вручить конверт. Что и было исполнено.

Ещё секретарь сообщил, что в понедельник дважды разговаривал с Якивом по аппарату. Первый раз секретарь сам позвонил примерно в три часа дня в цирк и ему сразу ответил его начальник. Господину Ружану показалось, что Якив не то крепко пьян, не то очень сильно чем-то обеспокоен. Либо и то и другое сразу. Так или иначе, Якив слушал секретаря невнимательно, отвечал невпопад, и когда господин Ружан напомнил о записке, которую передали Бивусу, пробормотал – хорошо, передали так передали и положил трубку. Но буквально через пару минут перезвонил сам и уже потре-

бовал подробно рассказать, кто, когда и где передал записку Бивусу и был, похоже, сильно раздосадован, что его распоряжение относительно записки так чётко и скоро исполнили.

Вечером, в половине восьмого Якив вновь созвонился с господином Ружаном и сообщил, что в ближайшие дни будет очень занят, возможно, даже уедет за город. Просил не беспокоиться по поводу его отсутствия. Сказал, что ему нужно уладить неотложные дела и предупредил, что если будут звонить из полиции и задавать вопросы, то нужно говорить, что у него всё в порядке.

Господину Ружану не показалось особенно странным поведение его патрона. Якив и раньше пропадал подолгу и совершал весьма эксцентричные выходки. Он предпочитал прожигать жизнь в самых злочных местах Невербуха и веселиться с циркачами и балеринами, лишь бы не вести скучные дела отцовской торговой империи. Так как он был самым младшим и самым избалованным из четверых братьев, то родители смотрели на его выкрутасы сквозь пальцы, считая, что милое дитя ещё не наигралось.

– Ну и что ты по поводу всей этой истории теперь думаешь? – спросил я Бивуса, когда он закончил свой рассказ.

– Думаю? – растерянно протянул тот, – ничего я не думаю. Если тут начнёшь думать, то не остановишься, пока не сойдёшь с ума. А я пока к этому не готов, мне и с ним, то есть, с умом неплохо.

– А теперь послушайте мою историю, – заявил я. Съел

печеньице, запил чаем и приступил к рассказу. И выложил всё – от обеда с Фициусом Осминым, до полдника с ведьмой Гердулией.

Когда я умолк, наступила глубокая тишина.

– Феёри, значит, – промолвил наконец Бивус и вновь надолго замолчал.

В тишине громко хрустнула трубочка во рту Зюва.

Я и не заметил, как к нашему столику подошла Мелисса. Без подноса, но со стулом. Об пол стукнули ножки стула, и я вздрогнул. Мелисса уселась на него задом наперёд – уж не знаю, зачем, но мне показалось это удивительно уместным в данной ситуации.

– Ты скажешь, что опять всё слышала? – обратился я к ней.

Не отвечая на мой вопрос, она обвела всех нас своими прекрасными глазами и тихо сказала:

– Я дочь Феёри.

Бивус, который поднёс ко рту чашку, выронил её, благо чая там почти не оставалось. Так, немного забрызгал нас с Зювом, но мы этого, считай, и не заметили.

– Ты дочь... чья? – спросил я.

– Феёри, – тихо ответила Мелисса, – моя мама Феёри.

– А папа?.. – робко поинтересовался я.

Мелисса поморщилась:

– Папа – обычный человек. Он тут не причём. Я могу попробовать позвать свою маму.

– Нет, – твёрдо сказал Бивус, – Феёри не бывает. Это детские сказки.

– Бывает, – мягко улыбнувшись, сказала Мелисса. – И одна из них – моя мама.

– И она придёт? – спросил я.

– Не знаю. Может, да. Может, нет. Но если этим несчастным, о которых вы говорили, что-то и может помочь, то только она. В этом ведьма права. Но мама должна их увидеть, чтобы исцелить.

– Дорого бы я дал за то, чтобы хоть раз увидеть Феёри, – мечтательно протянул Бивус. – Хоть их и не существует.

– Ну так что, светлые монцары, – в нашу беседу вмешался практичный Зюв, – едем к этим несчастным?

– Это может быть опасно, – покачал головой я.

Я, честно говоря, совершенно не мог сосредоточиться. В голове у меня никак не укладывалось признание Мелиссы. Если это шутка, то совершенно глупая в тех обстоятельствах, в которых мы оказались. А представить, что Мелисса отпускает глупые шутки никак невозможно. Разве только она сошла с ума... Но и на сумасшедшую она не походила. Скорее, уж мы трое свихнулись, но не она. Поэтому оставалось принять со всем возможным смирением – меня неделями поит и кормит в долг дочь Феёри. С ума сойти!

– Это может быть опасно, – повторил я. – Ведьма уверяла меня, что они теряют разум, и их поведение становится непредсказуемым.

– Тогда нужно захватить с собой оружие, – рассудительно сказал Бивус. – Я, кстати, рекомендовал твоему камердинеру взять что-нибудь на случай заварушки.

Зюв невозмутимо достал из-под столика небольшой, но объемистый саквояж. Он водрузил его на стол – Бивус и Мелисса едва успели убрать на соседний столик чашки и блюдца.

Привстав, Зюв открыл саквояж и жестом фокусника указал на его содержимое. Сверху лежали два воронёных револьвера, ниже угадывалась рукоять ножа.

Я присвистнул.

– Зюв, я о тебе, кажется, тоже чего-то не знаю?

– Вы всё обо мне знаете, монцар. Возможно, вы забыли, но в моём контракте есть пункты, связанные с вашей охраной.

– Похоже, ты чересчур серьёзно отнёсся именно к этим пунктам... Хотя, в данной ситуации, может, это и к лучшему.

– Монцар, вы не хуже меня знаете – я был когда-то воином. Это даже написано в моём человеческом сертификате. Но даже и без этой бумажки я знаю, что был боевым офицером.

Не самое подходящее время, но когда ещё! Ладно, расскажу быстренько сейчас. Дорогие читатели, Зюв действительно был в старину настоящим полковником. Ну или кем-то вроде. Лет этак пятьсот назад. Ещё во времена Империи, представляете? В одном из сражений ему оторвало голову. Но так удачно, что она прилетела прямо в ставку главнокомандую-

щего. А в ставке всегда находилась парочка императорских некромантов (бьюсь об заклад, вы никогда о таких не слышали), как раз на подобные случаи. Они эту голову быстро подобрали и заморозили.

Но имперские войска терпели поражение, началось спешное отступление, и про ящик с головой забыли. В общем, когда её, то есть голову, разбудили, она ничего толком не соображала, память у неё отшибло. Времена были трудные, непростые – возиться с погибшим полковником было недосуг. Голову нахлобучили сначала на туловище капитана, а потом, через несколько лет, кажется, капрала. Но то ли не прижилась, то ли плохо сочеталась с капральскими погонями, но и на плечах капрала она не задержалась. И снова несчастную голову надолго заморозили. Сопроводительные документы к голове и какая-либо память о погибшем полковнике были утрачены в Лихие годы – во времена падения Империи.

И уже в наше, просвещённое и практичное время, когда магомеханика достигла небывалых успехов, Зюву справили биомеханическое тело и дали, собственно говоря, имя «Зюв» – звучное и по-военному краткое. Обучили тому-сему и отправили на биржу труда. На которой мы с ним и встретились. Я обещал вам интересную и даже жутковатую историю про моего камердинера, а оказалось всё весьма прозаично. Ну что поделаешь, что есть, то есть. Зато правда. Вот Мелисса со своим легендарным родством меня просто сре-

зала. Я потрясён, никаких слов у меня по этому поводу нет. Поэтому не ждите от меня внятных объяснений, как малютка Феёри произвела на свет нашу Мелиссу, не такую уж, конечно, большую, скорее наоборот, изящную и невысокую, но всё ж не карлицу.

Я тут с вами заболтался, а Зюв уже распределил арсенал из саквояжа между нашей командой. Нам с Бивусом достались револьверы, сам Зюв взял охотничий нож, хлыст и кастет. И даже Мелиссе достался маленький изящный кинжальчик, который она тут же спрятала в декольте с такой сноровкой, словно всю жизнь таскала там холодное оружие.

Я сначала хотел заявить, что поимка безумных жертв магических экспериментов – не женское дело. Но потом сообразил, что без Мелиссиной матушки нам не обойтись. А она вряд ли откликнется на зов кого-то из нас с Бивусом и Зювом. Да и кто я такой, чтобы указывать, что делать дочери Феёри.

– Господа и дамы, а, собственно, куда мы направляемся, спросил я у своих компаньонов, когда мы вышли в сырые сумерки бульвара (погода опять начала портиться) и я вновь безуспешно попытался раскрыть бабушкин зонт.

– Я уверена, – сказала Мелисса, – что искать их нужно там, где вершились их чародейства. То есть в цирке.

На том и порешили. И стали выискивать экипаж, способный с удобствами разместить всю нашу пёструю компанию.

Глава 8. Ночная гроза в парке Последней надежды

Ехать от бульвара Левых ног до парка Последней надежды больше часа. И когда мы вышли у ограды парка, сумерки стусились почти до ночной черноты. Бледное пятно луны едва угадывалось на фоне тяжёлых туч. Дул резкий сырой ветер, заставивший нас ёжиться после тепла уютного кэба. Фонари на парковой ограде скудно освещали дорожку, ведущую к высоким кованым воротам.

Бивус первым подошёл к воротам и потянул тяжёлую створку. Глухо звякнул металл.

– Закрыто, – сказал он и потряс толстую цепь, охватывавшую прутья створок.

– Предоставьте это мне, монцар.

Зюв подошёл к воротам, поставил на землю свой саквояж и склонился над ним. Затем выпрямился, держа в руке карманный фонарик. Зажёг его и передал Бивусу.

– Подсветите, монцар.

В руках моего камердинера появился инструмент, похожий на кусачки с длинными ручками. Зюв пристроил инструмент к цепи и, крикнув, сдвинул рукоятки. Клацнул металл, и цепь упала к нашим ногам.

Мы направились в глубь парка. Тут было ещё темнее, чем

снаружи – фонари на столбах, стоявших вдоль дорожек, не горели.

Вдалеке пророкотал гром, ветер пронёсся над верхушками деревьев.

– Днём тут веселее, – заметил Бивус.

– Зато ночью не таклюдно, – тут же нашла положительную сторону наша оптимистичная медам.

Следуя указателю, мы пошли по главной дороге. Деревья по обе стороны тревожно шелестели и покачивали ветвями. Луна окончательно утонула в грозовом небе. Спасал положение фонарик Зюва, его пятно скользило по полотну дорожки и выхватывало то справа, то слева скамейки и беседки. Молочно-белые статуи стыдливо пытались укрыться от света фонарика в чёрных зарослях.

Дорога, сделав поворот, вывела нас к величественному зданию цирка. Его купол выделялся на тёмном небе огромным массивом непроницаемого мрака. Словно древний ящер решил расположиться здесь на ночной отдых, и теперь его туша округлым горбом вздымалась над деревьями.

Здание, однако, было не совсем без освещения – у главного входа горели укреплённые на стене факелы, а на верхнем ярусе, под куполом, светилось небольшое окно.

– Кто-то тут определённо ночует, – сказал я, чтобы хоть что-то сказать. И вдруг замер на месте – я увидел, что у дверей, подсвеченных факелами, темнеют две фигуры.

Зюв, похоже, заметил их раньше меня, потому что на ходу

полез в карман и вытащил из него кастет.

Фигуры казались совершенно неподвижными, но, когда мы приблизились к ступенькам, одна из них выдвинулась вперёд.

– Кто вы такие и что вам здесь нужно? – спросил человек в плаще с накинутым на голову капюшоном.

Его выговор выдавал в нём уроженца Древни. Я вам ещё не рассказывал про Древню – древнюю столицу Империи, и сейчас не расскажу. Время, мягко говоря, неподходящее.

Однако на вопросы нужно было отвечать. Бивус и Зюв оглянулись на меня, и мне ничего не оставалось, как выступить вперёд и, откашлявшись, начать переговоры.

– Добрый вечер, господа! – звучно начал я. – Я – Арчимольд Штокер, подданный Высоко-Светлого Князь-герцога, потомственный дворчанин. А это – мои друзья, – я широким жестом указал на своих спутников, не желая тратить время на представление каждого по отдельности.

– Мы ищем господина Якива Нальчича, нашего общего друга. У нас есть основания полагать, что он находится здесь. Либо находился в недавнем времени. Если у вас есть какие-либо сведения о его местонахождении и... состоянии здоровья, вы нас очень обяжете, сообщив нам.

Я выдохнул – нечасто мне приходилось выступать в роли парламентёра.

Стражники взяли паузу, вероятно, на обдумывание моих слов. Затем тот, кто стоял ближе, проговорил:

– Доступ запрещён. Вы не можете пройти внутрь.

Я растерянно оглянулся на своих друзей. И попробовал снова.

– Уважаемый, мы пришли за Якивом Нальчичем. Скажите, он здесь?

Снова пауза. И опять глухой голос пробубнил:

– Доступ запрещён. Вы не можете пройти внутрь.

– Но почему? Вы можете объяснить? Кем запрещён? – я сделал ещё одну попытку завязать светскую беседу.

– Доступ запрещён...

– Какого Хрёта здесь творится? – прошептал Бивус.

– Они заколдованы, – сказала Мелисса.

Я сунул руку во внутренний карман сюртука и достал револьвер. Показал его стражникам.

– А это не будет достаточным основанием, чтобы пройти?

– ...не можете пройти внутрь.

– Вы позволите, монцар? – Зюв взглянул на меня.

– Хорошо, Зюв, но будь осторожен.

Мой камердинер поднялся по ступенькам крыльца. В нашей квартире он всегда казался мне неповоротливым и медлительным, но сейчас он преобразился – движения механического тела, хоть и сохраняли некоторую отрывистость, стали быстрыми и уверенными. Он встал напротив типа, с которым я пытался наладить контакт.

– Дай мне пройти! – пробурчал Зюв и шагнул к дверям.

В руках стражника блеснул топорик. Я застыл на месте,

позади меня тихо охнула Мелисса.

Почти тут же стражник закричал от боли и упал на ступеньки. Его топорик запрыгал вниз по лестнице.

– Зюв, берегись! – истошно заорал прямо у меня под ухом Бивус.

Второй охранник включился в игру. Он со спины замахнулся на Зюва чем-то похожим на пожарный багор.

Дальше несколько событий произошли почти одновременно. Зюв шагнул в сторону, я выстрелил, а охранник упал и закричал, держась за ногу.

– Спасибо, монцар, – невозмутимо проговорил Зюв, – но не стоило беспокоиться, я бы и сам его уложил.

Над нами снова громыхнуло, через несколько секунд вспышка молнии выхватила кусок светлой стены с чёрными высокими дверьми, могучую фигуру Зюва и скорченных стражников на ступенях лестницы.

А теперь давайте побыстрее, побыстрее! – затараторил Бивус. – А не то сейчас сюда сбежится вся труппа Ёксамы Чудовёрта.

– И польёт дождь, – добавила Мелисса.

Мы бросились к дверям.

Оказавшись в холле, мы остановились и огляделись. Через большие окна в помещение пробивался слабый свет, к тому же глаза быстро привыкли к темноте. Похоже, тут никого не было – никто не кидался на нас с ломами и топорами.

– Пойдём туда! – предложил Бивус, указав рукой налево.

Там в темноте угадывался коридор.

Я, присмотревшись, различил такой же коридор с правой стороны.

Пожав плечами, я буркнул:

– Туда, так туда. Не вижу разницы.

И мы двинулись по коридору налево. Зюв вновь вытащил фонарик, пятно света заметалось по полу и стенам, выхватывая старые афиши с анонсами давно прошедших выступлений.

Коридор закончился или, точнее, расширившись, превратился в длинное изогнутое помещение. В белой стене чернели широкие проёмы двустворчатых дверей.

– В этом хрётовом цирке кто-нибудь раньше был? – спросил я.

– Да, конечно, – ответил Бивус.

– И я была. И не раз, – прошептала Мелисса.

– Я тоже посещал представления, – отозвался Зюв.

– Так куда нам теперь? – спросил я у этого отряда любителей цирка.

– Хрёт его знает, – пробормотал Бивус, – я тут при свете был. А в темноте всё какое-то незнакомое.

– Думаю, монцар, нам лучше пройти по лестнице и...

– Тсс! Смотрите! – громко прошептал Бивус.

Ближайший дверной проём озарился красноватым отсветом. Багровые блики то разгорались, то гасли, словно где-то там в глубине работала кузня. Из прохода доносились неяс-

ные звуки – шелест воздуха, вздохи, тихое бормотание.

Мы, как зачарованные направились прямо к источнику этих отсветов и звуков. Вошли в плавно спускающийся узкий проход, который вывел нас в огромное круглое помещение. Под потолком, казавшимся бесконечно далёким от пола, горел светильник. Свет от красных огненных языков отражался от потолка, блики падали на стены, скользили и мерцали. В полутёмном пространстве над нами угадывались какие-то конструкции; словно лианы в джунглях, свисали верёвки.

Потом я разглядел ряды сидений, уходящих амфитеатром к верхнему ярусу помещения.

– Арена, – заворожённо прошептал Бивус.

– Этак они всю крышу спалят, – сказал Зюв. – Разве можно огонь...

Но я не расслышал окончание его реплики – из-за того, что Мелисса завизжала. Её визг, отражаясь от стен, ослепшей птицей заметался по огромному пустому помещению.

Передо мной возникла жуткая размалёванная рожа – лохматая шевелюра, разъехавшийся в безумной ухмылке огромный рот на белом, как у покойника, лице, и грушеобразный нос. Я закричал, отшатнулся и свалился прямо на сиденье. А эта бестия в мгновение ока оказалась надо мной и замахнулась кривым кинжалом.

Короткий свист, и кинжал вылетел из руки монстра. Хлыст свистнул вновь, и урод, раззявив красную пасть, повалился навзничь.

Справа из темноты послышался рык крупного хищника, в ответ заорал Бивус, один за другим грянули три выстрела. Я вскочил с кресла и попытался понять, что происходит. Сверху, перепрыгивая через два-три ряда к нам прыгали какие-то жуткие резиновые, длиннорукие существа. Мелисса, неожиданно оказавшаяся рядом со мной, дёрнула меня за руку и потащила на арену. Зюв с хлыстом и Бивус, державшийся за предплечье, уже стояли там.

Арена была освещена лучше всего, весь амфитеатр прятался в полутьме, а тут было довольно много света. Лучи били откуда-то из-под купола – кто-то включил прожектор и направил на нас.

Снова щёлкнул хлыст Зюва – и маленький человечек, который подкрадывался к нам с лезвием в зубах, выронил нож и покатился во тьму прохода.

– Что с рукой? – спросил я Бивуса.

Он потряс головой, морщась от боли. Револьвер, похоже, он где-то потерял.

Рядом послышалось сопенье – в круг света вышел огромный полуголый детина. Под его борцовским трико перекатывались бугры мышц. Он протянул волосатую лапу к Мелиссе. Я, запямятовав, что из револьвера можно стрелять, стукнул рукояткой по толстому бицепсу. Укус комара и то, наверно, произвёл бы большее впечатление на здоровяка – он небрежно отмахнулся, задев меня растопыренной пятернёй. Этого хватило, чтобы мои ноги оторвались от песка, и я со

всего маху шмякнулся в центр манежа. Я почти сразу пришёл в себя и поднялся на локтях, осматривая поле битвы.

С борцом уже сцепился Зюв, но и его шансы на победу были невелики – здоровяк сумел повалить моего слугу на песок и теперь пытался провести болевой приём. Не уверен, что Зюв способен чувствовать боль, но руки мог лишиться. Бивус, подобрав хлыст, размахивал им перед невысоким парнем, одетым в традиционный древенский кафтан. Парень ловко уворачивался от ударов хлыста и выбирал удобный момент, чтобы броситься на Бивуса.

Я нашарил у своих ног револьвер и наставил на борца.

– Не убивай его! – воскликнула Мелисса. – Он не соображает, что делает. Я перевёл прицел с головы на мускулистую ляжку и выстрелил. И попал, благо попасть было нетрудно. Дитина заревел, отпустил Зюва и принялся кататься по арене, держась за ногу.

Огнестрельное оружие оказалось не только у нас – на арену вышел невысокий человечек в большом блестящем цилиндре. Он был одет в нелепый красный фрак и белые обтягивающие брюки, заправленные в чёрные сапоги. В руке он держал огромный старинный пистоль, который был нацелен прямо на меня. Но он не успел выстрелить. Кинжал, пущенный Мелиссой, вонзился ему в плечо. Человечек охнул и выронил оружие.

Наша грозная медам в один момент подскочила к стрелку и, не дав поднять пистолет, отправила в нокаут ударом моего

зонтика. Я даже не помнил, когда отдал ей зонт.

Бивус тоже не терял времени. Он сменил тактику и перехватил хлыст за гибкую часть, недалеко от рукоятки. Древенский парень решил броситься на Бивуса именно в этот момент. Тяжёлая рукоять с глухим стуком угодила парню в лоб, и он упал как подкошенный.

Мы, тяжело дыша, встали рядом, спина к спине, готовые отражать новые атаки.

– Смотрите! – крикнула Мелисса и указала пальцем вверх.

По канатам, идущим из-под купола к бортику арены, с поразительной ловкостью спускались какие-то твари. Мне показалось сначала, что это гигантские пауки. Но у них было всего по две пары конечностей – вероятно, на нас всего лишь напустили цирковых акробатов. Их было не меньше дюжины, они прыгнули на песок арены и стали подбираться к нам со всех сторон. Я крепче стиснул рукоять револьвера. Акробаты подступили совсем близко – буквально на расстояние вытянутой руки. Мне были хорошо видны их лица – пустые, ничего не выражающие. Их глаза смотрели словно сквозь нас.

Но вдруг акробатов что-то встревожило, они испуганно закрутили головами, заверещали и с криками бросились кто куда.

Вдруг мне показалось, что купол раскололся и его обломки и обрывки падают на нас – с такой силой ударил гром. Гроза снаружи разыгралась не на шутку.

– О, нет! – простонал Бивус.

Его глаза полезли из орбит. Я проследил за взглядом Бивуса и оцепенел от увиденного.

Глава 9. Впервые на арене

Под торжественные громовые раскаты на арену из главного выхода вышло мерзкого вида чудище. У него было не очень крупное, но довольно упитанное человеческое туловище серо-зелёного цвета, за спиной трепыхались перепончатые крылья, по песку волочился длинный хвост. Но самым кошмарным было то, что у него на плечах, на трёх длинных шеях покачивались три головы.

Правую я сразу узнал – это была голова Якива. Левая подходила под описание Ёксамы. А средняя принадлежала не человеку. Вытянутая морда больше всего походила на крокодила. Человеческие головы, вероятно, пребывали в трансе, глаза их были закрыты. Жёлтые глаза средней были устремлены на нас. В них светился холодный злобный разум.

– Зачем вы пришли? – проквакала крокодилообразная голова. – Вы так хотите умереть? Своему другу вы не поможете. Как и Ёксаме, – морда скосилась влево. – Его я прибрал очень давно – он мой и всегда будет моим. А вас я, пожалуй, не стану убивать. Я распоряжусь вами с большей пользой. Вы станете моими слугами и поможете прибрать этот городок.

От вида этой твари у меня мороз шёл по коже, кровь стыла в жилах, душа уходила в пятки и происходило всё остальное, что должно происходить в подобных ситуациях. Но я всё-таки преодолел оцепенение и легонько пихнул локтем Мелис-

су, пытаюсь её приободрить. На это-то меня хватило.

Закончив с приветствием, демон раскрыл пошире пасть. Из его глотки стал исходить зеленоватый дым, который жирным червяком потянулся в нашу сторону.

– Пора звать маму, – тихо сказал я Мелиссе. – По-моему, самое время. – Она едва заметно кивнула и передала мне бабушкин зонтик.

– Ага, – прошептала она, – вместе.

Я не совсем понял, что она имела в виду под этим «вместе».

– Ма-мааа!!!

Мелисса закричала, перекрывая сердитый рокот грома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.